

УДК 94(571.1)08

ББК 63.3 (253.3)61-282.2

Политические настроения и социальное поведение крестьянской бедноты Западной Сибири в первые годы советской власти

Е.Н. Бурдина

Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбева
(Петропавловск, Казахстан)

Political Moods and Social Behavior of the Poor Peasantry in Western Siberia in the First Years of Soviet Power

Y.N. Burdina

M. Kozybayev North-Kazakhstan State University (Petropavlovsk, Kazakhstan)

Анализируется отношение большевиков к крестьянской бедноте — политическому союзнику рабочего класса и социальной опоре революционной власти. Рассматриваются настроения и отношение бедной части западносибирского крестьянства к большевикам, социально-экономическим мероприятиям РКП(б) в деревне, созданию коллективных форм хозяйствования. Исследование показывает, что беднота поддерживала советскую власть в той степени, в которой мероприятия большевиков удовлетворяли ее потребностям и интересам, в частности, наделении землей, сельскохозяйственным инвентарем, предоставлении семян и проч.

Обращается внимание на специфику социальных отношений в западносибирской деревне, поддержку большевиков и симпатии к ним главным образом со стороны крестьянской переселенческой бедноты. Подчеркивается, что в условиях политики военного коммунизма беднота проявляла солидарность с сельским обществом в саботировании выполнения продразверстки. Попытки большевиков разжечь классовую вражду в деревне успеха не имели. Крестьянская беднота приняла участие в восстании 1921 г., в терроре против партийных, советских и продовольственных работников. Показаны причины и мотивация участия крестьян в вооруженном выступлении против власти.

Ключевые слова: крестьянская беднота, переселенцы, старожилы, Советское государство, большевики, политика, политические настроения.

The article analyzes the attitude of the Bolsheviks to the poor, political ally of the working class and the social supporter of the revolutionary government. The moods and attitude of the poor part of the West Siberian peasantry to the Bolsheviks, socio-economic activities of the RCP(b) in the village and the establishment of collective farms are considered. The study shows that the poor supported the Soviet government to the extent that the activities of the Bolsheviks met their needs and interests including assignment of land, provision of agricultural equipment, seeds, and so on.

Attention is drawn to the specifics of social relations in the West Siberian village, support and sympathy for the Bolsheviks, mainly on the part of the poor peasant migrants. It is emphasized that in the conditions of the policy of war communism the poor showed solidarity with the rural society in sabotaging the implementation of the prodrazverstka. The attempts of the Bolsheviks to exasperate class enmity in the village failed. The poor peasants took part in the uprising of 1921 and in the terror against the party, government and prodrazverstka implementers. The reasons and motivation for the participation of the poor in the armed attack against the authorities are shown.

Key words: poor peasantry, migrants, old residents, the Soviet state, Bolsheviks, politics, political moods.

DOI 10.14258/izvasu(2018)2-04

В октябре 1917 г. в России произошла социальная революция, в стране начались масштабные радикальные изменения всех сторон жизни российского общества. Леворадикальная социал-демократическая рабочая партия большевиков (РСДРП(б)), сформировавшая и возглавившая новое правительство России, определила стратегический курс — построение общества без эксплуатации человека человеком, создание социалистического государства, права, экономики и культуры. Как любая политическая партия, большевики нуждались в политических союзниках, социальной поддержке и доверии.

В исторической науке, особенно с 1990-х гг., значительное внимание ученых уделено исследованию крестьянских восстаний, их переоценке, изучению и введению в научный оборот новых фактов крестьянских протестов периода Гражданской войны и политики военного коммунизма [1–5]. Изучаются общественные и политические настроения крестьянства различных регионов Советской России [6–9], социальное и экономическое развитие западносибирской деревни [10, 11]. Крестьянская беднота, ее отношение к власти и политике в деревне самостоятельным предметом исследования практически не являлись [12, 13].

В данной статье предпринята попытка представить политические настроения и социальное поведение бедной части крестьянского населения по материалам Западной Сибири, показать реакцию бедной части крестьянства на социалистические преобразования и продовольственную политику большевиков. Если советская власть законодательно закрепила крестьянскую бедноту как своего социально-политического союзника и объявила себя выразителем ее интересов, то вызывает научный интерес отношение крестьянской бедноты к советской власти, ее идеологии и мероприятиям.

Статья основана на этнографических материалах, документах Российского государственного архива социально-политической истории, Центра хранения документации Новейшей истории Омской области, советской печати, законодательных актах Советского государства революционного времени, материалах, опубликованных в сборниках документов.

Послеревolutionная Россия — это аграрная страна, в которой крестьянство, по данным переписи 1897 г., составляло 77,12 % населения (около 96,9 млн чел.) [14]. Будущее пролетарской революции в значительной степени зависело от социального поведения и политических настроений многомиллионного крестьянства. Стратегическим союзником диктатуры пролетариата партия большевиков определила крестьянскую бедноту, и это получило формально-юридическое закрепление в Конституции РСФСР 1918 г. (ст. 9): «Основная задача ... заключается в установлении диктатуры городского и сель-

ского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти ...» [15, с. 78].

Первыми с мероприятиями советской власти столкнулись крестьяне не сибирской деревни, а европейской части России, в которой аграрная перенаселенность, малоземелье и потомственная бедность были причинами социальной напряженности в до-революционной России. Советское правительство курсом на национализацию земли оправдало давние ожидания неимущей и малоимущей части деревни, видевшей в действиях революционной власти осуществление социальной справедливости — передел земли. Подспорьем большевикам в их политике разжигания классовой ненависти оказались существовавшие в деревне вражда и конфликты из-за земли между зажиточными крестьянами и беднотой. Декретом о земле от 27 октября 1917 г. [16], а затем Основным законом о социализации земли от 27 января (9 февраля) 1918 г. собственность на землю была ликвидирована (ст. 1). Землю получили те, кто ее обрабатывал своим трудом (ст. 21), земельный фонд перераспределен на уравнительных началах (ст. 25) в соответствии с потребительно-трудовой нормой между крестьянами [17].

Передел земли и создание органов самоуправления в форме Советов привлекли крестьянство европейской части Советской России на сторону большевиков, в результате советская власть закрепила в крестьянской глубинке. В декабре 1917 г. Московским областным бюро Советов рабочих и крестьянских депутатов был проведен социологический опрос во Владимирской, Воронежской, Калужской, Костромской, Московской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тульской и Ярославской губерниях. Результаты анализа анкетных данных таковы: 71,8% Советов указали на «доверчивое, сочувственное, хорошее» отношение к советской власти [18, с. 164].

В Западной Сибири новые революционные порядки стали устанавливаться в полной мере в 1920 г. после победы Красной Армии в Гражданской войне. Здесь большевиков ожидала иная социальная и экономическая действительность. Сибирь до революции 1917 г. относилась к аграрным регионам и характеризовалась развитием торгового земледелия, скотоводства и маслоделия. Помещичье хозяйство в Сибири не сложилось исторически. Частновладельческие земли здесь составляли около 0,5% всего земельного фонда Сибири, крестьянские — 49%, казенные — 35,4% казачьи — 8%, кабинетские — 6% [19, с. 25]. Производителями товарного хлеба, мяса, молочной продукции являлись крестьянские хозяйства. К 1917 г. производство зерна в этой части России составило 1/6 часть всего хлеба, произведенного в стране [19, с. 28, 29]. Примерно 70% всех крестьянских хозяйств Сибири приходилось на Западную Сибирь [20, с. 10].

Сельское население Западной Сибири составляли казаки, крестьяне-старожилы, крестьяне-переселенцы и автохтонное население (казахи, татары, алтайцы и др.). К сибирякам-старожилам относились потомки ранних переселенцев и крестьяне, прожившие в сибирском крае несколько десятков лет. В среднем старожильское население составляло в 1917 г. 54,9% [21, с. 4].

Имущественная дифференциация была различной среди старожилов и переселенцев, а также варьировалась в зависимости от губерний и районов. Социальное расслоение крестьянства являлось естественным процессом жизнедеятельности и зависело от объективных и субъективных причин. И в европейской части России, и в сибирской глубинке одной из объективных причин роста крестьянской бедноты выступало экстенсивное ведение сельского хозяйства, зависимость производства сельскохозяйственной продукции от количества обрабатываемой земли, низкая эффективность землепользования. Истощение земли (даже при трехполье) в скором времени приводило к необходимости в новых участках земли. Малоземелье в значительной степени было следствием исторически сложившейся организации ведения хозяйства с прочными позициями русской общины, переделами, уравнительным землепользованием, коллективными формами труда и традиционными представлениям крестьян о ведении сельского хозяйства и образе жизни. По мнению Т. фон Лауэ, при одинаковом количестве земли русский крестьянин производил вдвое меньше продукции, чем немецкий, и в четыре раза меньше, чем бельгийский крестьянин [22, р. 33]. Даже после Столыпинской реформы крестьянское хозяйство оставалось «низкооварным, надельно-натуральным» [23].

В Западной Сибири была сравнительно высокая обеспеченность земельными угодьями, скотом, что давало возможность наиболее полно удовлетворить потребности крестьянской семьи и хозяйства. Поэтому крестьянская беднота не была массовым социальным явлением, как в европейской части России. В исторических исследованиях указываются различные данные о соотношении зажиточных (кулаков), средних (середняков) и бедных категорий крестьянского населения. В работах советского и постсоветского периодов указываются данные в 40% [24, с. 155], 60–65% на 1913 г. [25, с. 116], около 70% к 1917 г. [26, с. 7]. В западной исторической науке — около 40% на 1917 год [27, с. 530–531]. Т. фон Лауэ, рассматривавший достолыпинскую русскую деревню, указывает, что 36% бюджета крестьянских домохозяйств всей европейской части России оценивались как требующие денежных средств [22, р. 35]. Соотношение социальных групп крестьянства Западной Сибири к 1917 году при-

близительно выглядело так: кулаков — 14,32%, середняков — 30–45%, бедняков — 30–60% [19, с. 173; 28, с. 24; 29, с. 6]. Ученые сходятся во мнении, что самую многочисленную прослойку составляли середняки. Однако специалисты отмечают, что отсутствие массовых данных о бюджете крестьянских хозяйств как в европейской части России [30, с. 127–128], так и в Сибири не позволяет определить более точное соотношение социальных групп к деревне [31, с. 398].

Существенным различием между старожилами и переселенцами являлось практически отсутствие уравнительных общинных переделов в среде старожильского населения, которые если и производились, то касались главным образом сенокосных угодий. Например, в Тюменской губернии на 1919 г. приходится 77% селений без переделов [32, с. 126]. В переселенческой среде, напротив, преобладало стремление следовать общинным порядкам и сохранить их. Н.П. Огановский, ссылаясь на перепись 1911–1912 гг., указывает на преобладание среди крестьян-переселенцев «вольно-захватной и уравнильно-передельной форм общины». Из 413 обследованных селений крестьян-переселенцев в 92,4% сельских обществах была общинная форма [33, с. 275].

Крестьян-сибиряков отличало от «русских» (так крестьяне-старожилы называли переселенцев) стремление к частному земельному владению в форме отрубов и хуторов, наличие правовых обычаев, регулирующих куплю-продажу и арендные земельных отношения [34]. Различия также прослеживались в ментальных представлениях и эмоционально-психологической модели поведения. Фактическое владение землей, свободное распоряжение доходами хозяйства, предпринимательство и торговля развивали индивидуалистическое восприятие мира у крестьян. В этнографических источниках не раз указывалось, что крестьянское население Сибири «по преимуществу индивидуалистическое» [35, с. 72]. В воспоминании сельской жительницы Алтайского края М.Д. Ретунской (Зубковой) 1910 года рождения о своем отце, крестьянине-старожиле, говорилось: «К российским мужикам отец относился с долей пренебрежительности. Считал, что нет в них такой хозяйственности, как в сибиряках» [36, с. 59].

Сибирская деревня существенно отличалась от центрально-русской деревни: местное крестьянство более зажиточное; численность пролетарских и полупролетарских слоев деревни крайне мала; узкая социальная база для разжигания классовой войны в деревне. Характеризуя местное крестьянство, представители политуправления и ЦК РКП (б) в Сибири Н.К. Наумов и Н. Островский заметили: «Крестьяне в Сибири в огромной массе своей являются однородными, не подразделяемыми на бедняков, середняков и кулаков, а просто зажиточными» [37, л. 1].

В условиях сибирской исключительности в аграрном регионе России проведение продовольственной разверстки и социалистических преобразований в деревне оказалось крайне сложным. В старожильческих селах не удавалось противопоставить бедноту зажиточной части общества. Имели место факты проявления крестьянской солидарности односельчан. Из доклада инструктора Карачинской волости Омской губернии весной 1920 г. следовало: «На сходах крестьяне отказываются выяснять излишки у зажиточных крестьян...» [38, л. 7об.]. Крестьяне-старожилы имели давние трудовые, межличностные, родственные и иные связи поколений людей, живущих в одном селе. Устоявшиеся традиции, обычаи и отношения в условиях революционного времени подверглись испытанию.

Иначе выглядело положение в деревнях крестьян-новоселов. В докладе Омскому губпродкому сообщалось: «безошибочно можно сказать настроение предыдущей деревни, узнав лишь только, какое население там... Старожилы можно сказать против Советской власти во всех отношениях. Новоселы, по большей части бедного состояния, склоняются к Советской власти» [39, л. 42].

Политика власти в отношении бедняков и семей красноармейцев в некоторой степени повлияла на умонастроения бедноты. С установлением советской власти и национализацией казенных, кабинетских, частновладельческих и церковных земель, крестьяне Сибири получили (с учетом классового принципа) около одного миллиона десятин земли. Гражданам сельских обществ Алтая и Омской губернии в 1920 г. перешло около 700 тыс. дес. земли [40, с. 170]. Забота Советского государства в форме обеспечения хлебом, скотом, рабочими лошадьми, а также коммунистическая агитация и пропаганда в условиях падения жизненного уровня населения за годы Гражданской войны, в значительной мере способствовали появлению симпатии неимущей и малоимущей частей крестьянского населения к советской власти. Такие политические настроения прослеживаются в районах укрепления советской власти и скопления войск Красной Армии вблизи губернских и уездных центров, в местах подавления крестьянских восстаний. В частности, «сочувственное» и «благожелательное» отношение крестьян к власти зафиксированы в Омской, Тюменской губерниях и Новониколаевском, Щегловском, Кузнецком уездах Томской губернии. Так, например, Томский отдел по работе в деревне сообщал: «Деревня еще в начале лета не делилась на два лагеря, но даже представляла один сплоченный, так как бедняки, видя в лице кулаков своих кормильцев, старались всячески поддержать их интересы, теперь резко распалась на два лагеря, что очень заметно стало на собраниях...» [41, л. 16об.].

Беднота подверглась политизации через участие в местных органах власти. Советская власть инициировала перевыборы в сельские и волостные советы с целью устранения из них кулаков. На октябрь 1920 г. по результатам выборов в волостные советы Ишимского уезда Тюменской губернии бедняков насчитывалось 125, середняков — 112 из 237 членов волостных советов. В сельских советах этого же уезда беднота была представлена 1738 членами, середняки — 2689 из 4427 членов сельсоветов. Кулаков в этих советах не было вообще [42, с. 2]. Однако это не имело особого успеха, так как местные органы власти действовали как сельские сходы крестьян и принимали решения в интересах всего сельского общества, защищая их интересы, оттягивали выполнение заготовок, инициировали жалобы и походы ходоков. Это отразилось на результатах выполнения обязательств крестьян перед государством по продразверстке. В соответствии с телеграммой Сибревкома всем губернским ревкомам и военкомам Сибири от 28 мая 1920 г. разверстка должна быть выполнена на 100% к 1 августа 1920 г. [43, т. 1, с. 24–25], однако к исходу декабря 1920 г. продовольственное задание Центра было выполнено только на 40% [44, с. 9].

Сопrotивление крестьян выполнению государственного обязательства привело к перемене в организации и методах сбора хлеба, фуража и проч. «Ненадежные» в плане выполнения разверстки советы и волысполкомы ликвидировали, и этот процесс шел по всем губерниям Западной Сибири. Вместо них создавались ревкомы, члены сельских советов за саботаж подверглись аресту. По имеющимся сведениям, в ноябре-декабре 1920 г. прошли аресты сельсоветов в их полном составе в Каменской, Теплодубровской, Рожевской и других волостях Тюменской губернии [45, л. 6; 46, л. 211]. К сбору сельскохозяйственной продукции по продовольственной разверстке в соответствии с циркуляром кассационного трибунала от 16 октября 1920 г. были подключены находившиеся под контролем продорганов и РКП (б) революционные трибуналы — карательные органы, активно применявшие методы принуждения в отношении крестьян-неплательщиков, [47, с. 20, 21]. Советское революционное законодательство предусматривало (п. 4 Декрета СНК «Об изъятии хлебных излишков в Сибири» от 20 июля 1920 г.) конфискацию имущества, заключение в концентрационный лагерь для лиц, уклоняющихся от выполнения разверстки и ответственных за ее выполнение [48, с. 459–461].

Появление в деревнях продотрядов, войск ВОХР, применение принудительных способов изымания продовольствия у всех слоев крестьянства, попадание бедноты под продразверстку изменило настроение как сибирской деревни в целом, так и бедных

слоев ее населения. В сообщениях, поступавших в Тюменский губернский комитет партии, говорилось, что «бедняки и середняки-крестьяне смотрят на нас сквозь пальцы...» [49, л. 7]. В политической сводке Караульноярского волисполкома советов в Тюменский уездный военкомат от 30 декабря 1920 г. от военкома Щепетова от 30 декабря 1920 г. сообщается о росте социального недовольства разверсткой и трудовой, гужевой повинностями среди крестьян, как бедняков, середняков, так и кулаков [50, т. 2, с. 66].

Ставки продовольственного задания вызвали коллективные протесты, выраженные в легитимной форме — постановлениях сельских сходов, жалобах от имени сельских обществ, крестьянских наказах на беспартийных конференциях. Так, например, сельское общество деревни Быстрой той же Гольшмановской волости Ишимского уезда постановило единогласно, что «разверстку выполнить невозможно», поскольку «норма очень высокая». В протоколе общего собрания значилось: «эту разверстку мы признаем несправедливой» [51, л. 274, 286, 374]. Сажинские жители с отчаянием писали в РКИ Ишимского укома партии, что «находятся в очень затруднительном положении... хлебную разверстку можно выполнить только в том случае, если отдать последнее зерно, отчего может грозить обществу смерть...» [45, л. 7].

В крестьянских наказах, представленных на беспартийных конференциях в ноябре-декабре 1920 г., которые проводились Советским государством с целью изменить негативное отношение крестьян к власти посредством «широкого ознакомления с заданиями, основами и политикой Рабоче-Крестьянского правительства», содержались положения, касающиеся интересов как бедной его части, так и всех слоев крестьянства. Среди 25 пунктов наказа крестьян Ольгинской волости Кокчетавского уезда Омской губернии наряду с требованиями сокращения гужевой повинности (п. 7), учреждения специализированных сельскохозяйственных мастерских (п. 4), содержится пункт о невозможности беднейшим крестьянством выполнить разверстку (п. 9) [52, л. 20, 21]. Ввиду проявления «устойчивого антисоветского политического настроения» со стороны участников конференций они практически все были распущены.

Крестьяне Западной Сибири в основном были едины в своих требованиях и оценке экономической политики советской власти в деревне. Под давлением государственных органов, революционной агитации и пропаганды сибирская деревня не раскололась. Крестьянская беднота в целом проявляла единство с сельским обществом, частью которого она являлась. Разжечь классовую войну в сибирской деревне большевикам не удалось. В донесении заместителя завполитбюро Ишимского уезда И.В. Недорезова

в полномочное представительство ВЧК в феврале 1921 г. сообщалось, что социальной конфронтации в сибирской деревне не произошло: «...к расслоению бедняка и середняка от кулака в Ишимском уезде продовольственная работа не произвела...» [50, т. 2, с. 134].

Продовольственная разверстка на сельскохозяйственную продукцию, семенная разверстка (с января 1921 г.), которые заделали жизненно важные интересы крестьянского общества любой из волостей Западной Сибири (недостаток продовольствия, полуголодное и голодное существование, изъятие семенного фонда и проч.), вызвали общее социальное и политическое недовольство крестьян Западной Сибири. Участие крестьянской бедноты в вооруженном сопротивлении советской власти в январе-феврале 1921 г. подтверждается источниками. В воспоминаниях участника подавления мятежа замвоенкома ВОХР Кутанова говорится, что среди повстанцев «было и кулачество... и остальной слой крестьянства» Ишимско-Тобольского уездов, которое «выступило против местной власти» [53, л. 14об.]. Один из очевидцев писал: «...в Сибири происходит стихийное восстание крестьян и казаков... все восстали — бедный и богатый...» [54, л. 45].

Однако анализ политических настроений и социального поведения бедноты был бы неполным и объективным без представления фактов поддержки частью крестьян-бедняков советской власти, выражения доверия к партии РКП(б). Мы располагаем немногими сведениями. В ходе Западно-Сибирского восстания были известны случаи расправ повстанцев с «не своими» крестьянами — крестьянами-переселенцами, значительную часть которых составляли бедняки. Крестьяне-старожилы дистанцировались от переселенцев, подчеркнуто презрительно называя их «бесхозяйственная голытьба» [55, с. 86]. К обстоятельствам, обуславливающим «особое» отношение старожилов к переселенцам, мы можем отнести восприятие их как чужаков, которых допускалось эксплуатировать, «загонять» в долги. Один из очевидцев социальных преобразований в сибирской деревне в 1920 г. обратил внимание: «сибирский середняк гораздо более чем русский привык слушаться и уважать мнение кулака, особенно потому, что объектом для эксплуатации был не сосед-крестьянин, а пришлый батрак или инородец-киргиз (казах. — Е. Б.)» [56, с. 27].

Советская власть поддержала переселенцев-бедняков хлебом, фуражом, другой сельскохозяйственной продукцией, предоставила сельхозинвентарь и рабочий скот. Конфискации у состоятельной части сельского населения имущества и перераспределение его в пользу бедноты расценивалось старожильческим населением как несправедливые и противоправные действия. Следствием таковых

со стороны крестьян-сибиряков стала неприязнь к власти в лице коммунистов, продовольственных работников и к бедноте, улучшившей свое благосостояние нетрудовым способом, за чужой счет. На «не своих» крестьян смотрели как на врагов. В селе Красноярском Ишимского уезда, например, было убито до 200 переселенцев — взрослых и детей [57, с. 90]. Расправы мятежников с крестьянами-переселенцами и их убийства замечены в Орловской и Омутинской волостях Ялуторовского уезда Омской губернии [58, с. 127].

Вступления части бедняков в ряды РКП(б), выражение доверия к большевикам и их поддержки также подтверждаются фактами. По результатам выборов в волостные и сельские советы большинство получили беспартийные. Но часть крестьян выбрала коммунистов. Например, итоги выборов в октябре 1920 г. в Ишимском уезде Тюменской губернии таковы: из 237 членов волисполкомов большевики составили 44, 41 сочувствующий, в сельских советах РКП(б) получила 219 мест (96 членов партии и 123 сочувствующих) из 4427. При этом бедняков в волисполкоме насчитывалось 125, а середняков — 112 [42, с. 2]. Аналогичная ситуация сложилась в Калачинском уезде Омской губернии: из 71 члена волисполкомов 16 были членами РКП(б) и 13 — сочувствующих (всего 29 мест), в сельских советах из 781 места 23 принадлежали членам партии большевиков и 53 сочувствующим РКП(б) [59, л. 72]. Тем самым незначительная часть крестьян из бедняков подпала под влияние программы и идеологии большевистской партии, полагая, что РКП(б) — партия трудящихся, пролетариата и трудового крестьянства. Получив практическую помощь в ходе земельной и продовольственной политики, часть бедноты поверила большевикам, поэтому испытывала разочарование масштабами разверстки. Сотрудник коммунист в декабре 1921 г. передал перемену в настроениях крестьян, доверявших советской власти: «Дорогой тов., приятно ли смотреть, что творят наши члены партии? Приятно ли слышать слова того гражданина, который недели две назад душой и телом был предан советской власти, который был накануне вступления в наши ком. ряды. В настоящее время эти тов. нам говорят: тов. коммунист, что ты делаешь, берешь последнюю рубаху у крестьянина и т.д.» [50, т. 2, с. 70].

Крестьянская беднота вступала в новые, организованные советской властью формы хозяйства — коммуны, артели, товарищества. Среди факторов и мотивов мы можем выделить следующие. Во-первых, это выживание крестьянского общества вследствие разорения хозяйства и беспросветной бедности в условиях Гражданской войны, разверстки и голода, начавшегося весной-летом 1921 г. в Тюменской (Ишимский, Ялуторовский уез-

ды) [60, л. 13, 91, 152, 24, 123] и Омской (Тюкалинский уезд) губерниях [61, л. 4]. Поскольку для налаживания единоличного хозяйства средств не хватало, выход крестьяне нашли в объединении средств производства и совместном труде. Жители поселка Крушановского Омского уезда на общем собрании в 1920 г. решили организовать артель с целью «обработки земли коммунальным порядком» [62, с. 61]. Во-вторых, коллективные хозяйства возникали также на территориях подавления крестьянских восстаний в Томской и Алтайской губерниях в июле-августе 1920 г. В Новониколаевском уезде, в с. Дубровине, которое являлось центром мятежа, организовали сельскохозяйственную артель с общим амбаром, откуда можно брать хлеб только по норме потребления [63, с. 1]. В Кольванском и Коченевском районах того же уезда вместо одного колхоза до восстания появились 19 колхозов после восстания. Созданы коллективные хозяйства в Маслянинском и Черепановском районах Новониколаевского уезда [62, с. 53]. Организация коллективных хозяйств в значительной степени была обусловлена не только разорением крестьянских хозяйств. После подавления восстаний, расправ и расстрелов крестьян-повстанцев по законам революционного времени деревня обезлюдела, работать стало некому. В Бухгарминском крае, по сообщениям прессы, после восстановления советской власти в эпицентрах повстанческой борьбы «наблюдалось полное опустошение. Нет работников, так как многие расстреляны...» [64, с. 1]. В-третьих, вступление в коллективные хозяйства для крестьян, и бедняков, и крестьян средней руки, давало возможность получения ссуды от государства для восстановления и развития хозяйства. И крестьянская беднота, и середняки, и некогда зажиточные крестьяне вхождением в коллективные хозяйства пытались приспособиться к суровым условиям существования революционного времени. Это подтверждают источники. Например, на заседании президиума Омского губкома было замечено, что в Славгородском, самом хлебном районе губернии, «наблюдается большая тяга в коммуны» [65, л. 173]. В 1920 г. в Омской губернии насчитывалось 26 коммун. На 1 октября 1921 г. — уже 116 коммун [66, с. 10; 67, с. 20]. Точное число коммун, состоящих из бедняцких хозяйств, неизвестно, поскольку в указанное выше количество коммун включены также коммуны, состоящие из крестьян переселенческих групп и зажиточных крестьян.

В целом в Западной Сибири вступление крестьян в коллективные хозяйства являлось вынужденным шагом, связанным с их обеднением, выживанием и приспособлением к конкретной жизненной ситуации. Основная масса крестьян осталась в стороне от социалистических нововведений, предпочитая традиционный способ хозяйствования. Насколько

широко охватила сельское население Сибири коллективизация, говорят следующие данные: к концу 1920 г. коллективные формы ведения хозяйства составили 0,5% всех хозяйств [62, с. 61].

Характеризуя политические настроения и социальное поведение крестьянской бедноты, мы можем прийти к следующим выводам. Идеология большевиков и законодательство Советского государства указывают нам на крестьянскую бедноту как на социальную и политическую опору диктатуры пролетариата. Конкретные шаги советской власти в земельном вопросе и социалистическая пропаганда повлияли на умонастроения части сибирской бедноты, которая проявила доверие к коммунистам на выборах в местные органы власти и полагала, что большевики — партия, отстаивающая народные интересы. Но крестьянин оставался крестьянином, даже если это крестьянин-бедняк, у которого на первом месте всегда интересы выживания семьи и крестьянского хозяйства. Попытка сделать крестьянскую бедноту Сибири своим союзником и разжечь классовую войну в деревне в целом провалилась.

Установление государственного контроля над производством, распределением и потреблением сельскохозяйственной продукции, обеднение всех слоев крестьянского населения и разорение хозяйств в результате разверстки, под которую подпали также бедняки, консолидировало сельские общества. Единство проявлялось в выражении социального протеста различными способами: от затягивания в выполнении государственных обязательств, жалоб и отправки ходяков в органы власти до крестьянских восстаний.

В целом крестьянская беднота, как и остальная часть крестьянства Сибири, не доверяла большевикам, выбирая беспартийных, выступая за Советы без коммунистов и поддерживая сельское общество на сходах.

Для большевиков в 1918–1921 гг. главным было решение продовольственного вопроса, от которого зависела судьба революции. И в этом конкретном политическом моменте РКП(б) была готова пожертвовать интересами крестьянской бедноты — своего союзника.

Библиографический список

1. Третьяков Н.Г. О политических настроениях крестьянства на территории, охваченной Западносибирским восстанием 1921 г. // История Советской России: новые идеи, суждения : материалы Второй республиканской научной конференции. Тюмень, — 1993. — Ч. 1.
2. Павлюченков С.А. Крестьянский Брест, или предстория большевистского нэпа. — М., 1996.
3. Шишкин В.И. Западно-Сибирский мятеж 1921 года: историография вопроса // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г. : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.И. Шишкина. — Новосибирск, 2001.
4. Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и гражданской войне (1905–1921 гг.) : сборник научных статей / под ред. И.В. Курышева. — Ишим, 2006.
5. Алешкин П., Васильев Ю. Крестьянские восстания в Советской России (1918–1922 гг.) : в 2 т. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.kz/books?id=OSelDQAAQBAJ&pg=PT614&lpg=PT614&dq=Яблочкина+И.В.+Рецидивы+гражданской+войны&source=bl&ots=G>
6. Хришкевич Т.Г. Общественно-политические настроения крестьянства Северо-Запада России в период НЭПа (1921–1929 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Псков, 2002.
7. Баранова С.Б. Характеристика политических настроений крестьян Пермской губернии за 1920 г. на основе анализа информационной работы Пермской губЧК // История и археология : материалы Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, ноябрь 2012 г.). — СПб., 2012. — С. 29–32.
8. Митрохин А.В. Общественно-политические настроения крестьянства в 1921–1927 гг. (на материалах Рязанской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2012.
9. Курышев И.В. Социальные настроения западносибирского крестьянства летом-осенью 1918 года // Вестник Сургутского гос. пед. ун-та. — 2015. — № 5 (38).
10. Чуркин М.К. Взаимоотношения переселенцев и старожилов Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. в природно-географическом, социально-психологическом, этнопсихологическом аспектах : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Омск, 2000.
11. Кротт И.И. Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества (1914–1920 годы). — Омск, 2010.
12. Кузнецов И.С. Богатые и бедные: взгляды сибирского крестьянства 1920-х гг. на социальные различия // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. Т. 1. Вып. 3: История. — Новосибирск, 2002.
13. Алиева Л.В. «Бедняки» в представлениях русского крестьянства 1920-х гг. (на материалах Северо-Запада России) // Псков. — 2016. — № 45.
14. Россия 1913 год : статистико-документальный справочник. — СПб., 1995.

15. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Принята V Всероссийским съездом Советов от 10 июля 1918 г.) // История Советской Конституции : сборник документов, 1917–1957. — М., 1957.
16. Декрет о земле от 27 октября 1917 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4.htm.
17. Основной закон о социализации земли 27 января (9 февраля) 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/soczem.htm>.
18. Першин П.Н. Аграрная революция в России. Историко-экономическое исследование : в 2 кн. Кн. II. Аграрные преобразования Великой Октябрьской социалистической революции (1917–1918). — М., 1966.
19. Тюкавкин В.Г. Сибирское крестьянство накануне Октября. — Иркутск, 1966.
20. Никулин П.Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. / под ред. В.П. Зиновьева. — Томск, 2009.
21. Земельный вопрос в Сибири. — М., 1919.
22. Theodore H. von Laue Russian labor between field and factory 1892–1903 // California Slavic Studies. — 1964. — No. 3.
23. Ковальченко И. Столыпинская аграрная реформа (мифы и реальность) // История СССР. — 1991. — № 2. [Электронный ресурс]. URL: http://scepsis.net/library/id_2207.html.
24. Милютин В.М. Аграрная политика СССР. — М.; Л., 1929.
25. Берхин И.Б. Экономическая политика Советского государства в первые годы Советской власти. — М., 1970.
26. Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. — М., 2001.
27. Карр Э. История Советской России. Кн. 1 : Большеви́стская революция. 1917–1923 : пер с англ. / предисл. А.П. Ненарокова. — М., 1990. — Т. 2.
28. Боженко Л.И. Социально-экономические вопросы и их регулирование в сибирской деревне (конец 1919–1927 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук, — Томск, 1971.
29. Журов Ю.В. Социальная структура сибирского крестьянства в годы революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.) // Проблемы истории советской сибирской деревни. — Новосибирск, 1977.
30. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVII — начало XX в.): в 2 т. — СПб., 2003. — Т. 1.
31. Колесников А.О. Классовое расслоение сибирского крестьянства накануне Великой Октябрьской социалистической революции (по материалам Среднего Прииртышья) // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири : докл. и сообщ. науч. конф. на тему «В. И. Ленин и социалистическое преобразование сел. хоз-ва Урала и Западной Сибири»: (23–24 дек. 1968 г.). — Курган, 1971.
32. Кабанов В.В. Октябрьская революция и крестьянская община // Исторические записки. — М., 1984. — Вып. 111.
33. Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Т. 3, вып. 1. — 1914. [Электронный ресурс]. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10083122>.
34. Белянин Д.Н. Предпосылки введения в Западной Сибири частной крестьянской собственности на землю // Вестник Томского гос. ун-та. — 2009. — № 4 (8).
35. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. — СПб., 1882.
36. Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л. Коллективизация и раскулачивание в воспоминаниях очевидцев. — М., 2006.
37. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Ф. 5. — Оп. 2. — Д. 240.
38. Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДННОО). — Ф. 88. — Оп. 1. — Д.100.
39. ЦДННОО. — Ф. 88. — Оп. 1. — Д.19.
40. Бугай Н.Ф. Чрезвычайные органы Советской власти: ревкомы, 1918–1921 гг. — М., 1990.
41. ЦДННОО. — Ф. 88. — Оп. 1. — Д. 91.
42. Известия (Тюмень). — 1920. — № 237.
43. Сибирская Вандея, 1920–1921 : документы: в 2 т. / под ред. А.Н. Яковлева ; сост. В.И. Шишкин. — М., 2000. — Т. 1.
44. Богданов М. Разгром Западно-Сибирского кулацко-эсеровского мятежа в 1921 г. — Тюмень, 1961.
45. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 13. — Д. 1186.
46. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 2. — Д. 675.
47. Пивоваров М.С. Революционные трибуналы в Сибири (ноябрь 1919 — январь 1923) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Кемерово, 2007.
48. Об изъятии хлебных излишков в Сибири : Декрет Совета народных комиссаров от 20 июля 1920 года // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. — М., 1943.
49. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 12. — Д. 1186.
50. Сибирская Вандея, 1920–1921 : документы: в 2 т. / под ред. А.Н. Яковлева; сост. В.И. Шишкин. М., 2001. Т. 2.
51. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 65. — Д. 374.
52. ЦДННОО. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 30.
53. ЦДННОО. — Ф. 1818. — Оп. 2. — Д. 17.
54. РГАСПИ. — Ф. 78. — Оп. 1. — Д. 48.
55. Хейфец К. Белый бандитизм // Былое Сибири. 1923.
56. Советская власть в Сибири // Жизнь Сибири (Омск). — 1920. — № 1.
57. Померанцев П. Красная Армия Сибири на внутреннем фронте (борьба с восстаниями в тылу за 1920–1922) // Красная Армия Сибири. — 1923. — № 3–4.
58. Заповодникова А.Г. Борьба с кулацкой контрреволюцией в Западной Сибири в период перехода от гражданской войны к мирному социалистическому строительству (1920–1922 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1969.

59. ЦДНИОО. — Ф. 105. — Оп. 1. — Д. 1.
60. РГАСПИ. — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 2620.
61. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 13. — Д. 668.
62. Яров И.П. Первые колхозы Сибири (1918–1926 гг.)
// Труды Новосибирского института инженеров водного
транспорта. Вып. 8. Новосибирск, 1960.
63. Известия Тюменского губернского революцион-
ного комитета и губкома РКП (б). — 1920. — № 190.
64. Известия Тюменского губернского революцион-
ного комитета и губкома РКП (б). — 1920. — № 199.
65. РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 13. — Д. 663.
66. Соколов В. Сельское хозяйство Сибири // Жизнь
Красной Сибири (Омск) — 1920. — № 2.
67. Кантышев И. Сельское хозяйство Сибири за 5 лет
революции // Жизнь Сибири. — 1922. — № 3.